

ПАНОРАМА МИРОВОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Зарубежная философия. Современный взгляд

УЧЕНИЕ О МИРЕ В ДИССЕРТАЦИИ И. КАНТА «О ФОРМЕ И ПРИНЦИПАХ ЧУВСТВЕННО ВОСПРИНИМАЕМОГО И ИНТЕЛЛИГИБЕЛЬНОГО МИРА»

М.Ю. ВАСИЛЬЕВА

Одной из фундаментальных задач кантовской диссертации 1770 г. является ограничение сферы опыта и выведение феноменов в качестве объектов нашей чувственности, так же как и определение функции рассудочного познания. Вследствие изначального различия чувственной и рациональной способностей и соответствующего им деления на два отличных друг от друга мира создаются своего рода две реальности: одна – познаваемая в чувствах, но не отражающая внутренней природы вещей, и другая – как представляющая эту внутреннюю природу, но неспособная выразить ее чувственным образом. И то, и другое можно толковать как «мир», главное – решить, какими средствами мы для этого воспользуемся: абстрактными понятиями рассудка или же данными чувств и условием времени.

Именно такое разноуровневое толкование понятия «мир» Кант и принял во внимание в исследовании его «двоякого происхождения», подчеркивая при этом опасность совершенно произвольной его интерпретации. «Мир» в представлении Канта есть прежде всего целое, которое само не есть часть и акциденции которого являются не его частями, но определениями его состояний. Для уточнения понятия мира Кантом было выделено три момента: материя, форма и всеобщность. Под материей следовало понимать все субстанции, представленные в мире, под формой – их координацию, а под всеобщностью – соединение абсолютно всех частей. Наибольший же интерес для Канта представлял второй принцип – формы, выражающий самую сущность мира. Лишь форма постоянна и неизменна и, таким образом, мир всегда остается одним и тем же миром, тождественным себе целым. Следовательно, остается понять, как представить дефиницию мира как совокупность субстанций и отношений между ними и, кроме того, ответить на вопрос, можно ли в принципе иметь представление о таком мире.

Как было отмечено выше, Кант нашел решение в утверждении различия чувственной и рассудочной способностей, или чувственности

и рациональности. Чувственность понимается как «восприимчивость субъекта, при помощи которой возможно, что на состояние представления самого субъекта определенным образом действует присутствие какого-либо объекта»¹. Рациональность же есть «способность субъекта, при помощи которой он в состоянии представлять себе то, что по своей природе недоступно чувствам»². Получается, что различие между двумя источниками наших представлений приводит к различию между теми классами объектов, к которым как раз и приложимы данные представления: областью применения чувственных познаний становится сфера феноменов, а рассудочными понятиями занимается сфера ноуменов. Именно в рассуждении о двузначности понятия мира вводится решающее для всего последующего критического периода разделение нашей познавательной области на «представления о вещах, какими они нам являются» и на «представления рассудочные — как они существуют (на самом деле)»³. Таким образом, от метафизических размышлений о природе и существовании одних лишь нематериальных субстанций в мире Кант переходит к рассмотрению проблемы существования объектов познания, понятие о которых мы имеем через посредствующее звено феноменов. В этом свете кантовская аргументация строится главным образом на основаниях эмпирического реализма: все, что мы можем познать чувственно, есть результат определенного воздействия на нас чего-либо внешнего нам, и, следовательно, представляет собой наш единственный источник знания о присутствии этого «внешнего нам».

В одиннадцатом параграфе диссертации Кант подтверждает существование вещей вне нас в мире фактом бытия феноменов как непосредственных действий этих внешних нам вещей на нашу чувственность: феномены — прежде всего восприятия, или чувственные понятия. Наше собственное восприятие подтверждает нам эмпирическим образом реальность вещей вне нас и при этом выносится за скобки вопрос о природе вещей вне нас или о возможности искажения связи «вещь — феномен». Для Канта существен сам факт воздействия вещи на нашу познавательную способность, его последствия и работа с ним — важно то, что уже дано, но каким именно способом дано и какая конкретно причина тому послужила, остается в диссертации 1770 г. незатронутым. Более того, есть все основания полагать, что это было сделано Кантом намеренно — с целью максимально обезопасить свою аргументативную стратегию. В черновых заметках предположительно более раннего времени (1762 — 1763) также присутствует неясность относительно причины существования тел⁴.

Кантовское молчание о природе источника получаемых познаний эпистемологически мотивировано позицией эмпирического реализма и основано на том, что, если результат воздействия на нашу чувственность предоставляет нам специфическое свидетельство о

наличии вещи вне нас, то это необходимо, чтобы обладать максимально достоверным и адекватным знанием такого результата. Что касается статуса феноменального знания, то Кант признает, что знание феноменов становится возможным, несмотря на то, что это знание получено посредством чувств, а не с помощью рассудка: «...хотя феномены, собственно, суть образы вещей, а не идеи и не выражают внутреннего и абсолютного качества объектов, тем не менее познание их в высшей степени истинно»⁵. Центр кантовской теории истинности чувственного познания состоит в убеждении, что в суждении, утверждающем, что имеет место та или иная ситуация в чувственно воспринимаемом мире, истина состоит в «согласии предиката с данным субъектом», причем понятие субъекта, трактуемое как феномен, «дается только через отношение к чувственной способности познания и согласно с ней же даются чувственно наблюдаемые предикаты»⁶. Но к чувственному познанию применимо и следующее ограничение: поскольку рассматривается мир феноменальный, т.е. коррелирующий с чувственностью субъекта, допускается только один формальный субъективный принцип, или закон духа, благодаря которому все, что может быть объектом чувств, с необходимостью понимается как относящееся к одному и тому же целому. Это ограничение подразумевает, что принцип формы чувственно воспринимаемого мира распространяется лишь на действительное, поскольку относится к чувствам. Отсюда Кант делает вывод, что чувственный опыт не в силах что-либо сообщить ни о нематериальных субстанциях, ни тем более о самой причине мира. Таким образом, если Кант ставит границы продвижению в познании чувственно воспринимаемого мира, то этим можно объяснить и факт его молчания о причине феноменов. Поэтому становится невозможным определить эту причину посредством принципов чувственного познания, поскольку в таком случае она сама была бы охарактеризована как феномен.

Следовательно, необходим еще один принцип, который позволил бы говорить об обосновании принципа формы феноменального мира и лежал бы в его основании, завершая собой всю аргументационную конструкцию диссертации. Кант находит такой принцип, исследуя метафизическое познание и его критерии, опирающиеся на так называемое «реальное применение рассудка», которое заключается в том, что «даются сами понятия либо вещей, либо отношений»⁷. Принцип формы интеллигибельного мира является объективным принципом, в отличие от принципа формы чувственного воспринимаемого мира, и допускает «некую причину, благодаря которой существует связь между вещами»⁸. Метафизическое познание есть то единственное, что предоставляет нам возможность дать дефиниции вещей и не ограничивается лишь чисто субъективной формой, посредством которой вещи нам являются. Поэтому крайне важно отличать реальное

применение рассудка в метафизическом познании от логического применения рассудка, которое используется в чувственном познании, так как при последнем и первичные понятия, и аксиомы даны чувственным созерцанием, а в метафизике первичные понятия вещей и отношений, так же, как и аксиомы, относящиеся к ним, — все дается изначально чистым рассудком.

В теории интеллигибельного мира предмет, внешне аналогичный вещи самой по себе, обозначается ноуменом и трактуется как то, что не содержит в себе ничего, кроме познаваемого рассудком. Двойственность природы ноумена раскрывается Кантом через рассмотрение цели рассудочных понятий вообще: с одной стороны, это цель критическая, или негативная, состоящая в отграничении результатов чувственного познания от мира ноуменов; с другой стороны, это цель догматическая, благодаря которой чистый рассудок сводит свои общие принципы к некоему образцу, заключающему в себе «общую меру всех остальных вещей, поскольку они реальности»⁹.

Таким образом, получается, что объекты интеллигибельного познания в диссертации совершенно обособливаются от объектов чувственного познания и, возможно, здесь не последнюю роль играет тот факт, что функции рассудка и чувственности разводятся Кантом чересчур жестко, хотя и предполагается, что теория интеллигибельного мира с необходимостью должна лежать в основании теории чувственного познания.

Под собственно «интеллигибельным» в диссертации понимается два основных значения (в теоретическом и практическом ракурсах), составляющих понятие «ноуменального совершенства» — это Бог, или Высшее Существо, и совершенство нравственное. Становится очевидным, что содержанием метафизического познания должны заниматься в первую очередь рациональная теология и моральная философия, поскольку основной предмет такого познания, особенно если учесть кантовское молчание относительно природы причины объектов феноменального мира, представляет собой нечто совсем иное, нежели предмет чувственного познания и те вещи, что являются нам посредством наших чувств. И даже более того, принимая во внимание сделанное в самом начале диссертации разделение наших познавательных способностей на восприимчивость к воздействию некоего объекта на нас и функцию рассудка, можно сказать, что объекты рассудочного познания принципиально обособлены от объектов познания чувственного. Посредством сколь бы то ни было глубокого и пристального изучения объектов рассудочного познания мы никогда не придем к пониманию природы объектов, аффицирующих нашу чувственность и не сможем высказать о них что-либо более или менее адекватное. Единственное, что сообщается о связи объектов двух различных видов познания, так это то, что в теоретическом плане Бог как

идеал совершенства является одновременно и принципом познания и принципом становления в качестве «реально существующего»; в практическом же плане моральная философия дает самые первые критерии и принципы суждения.

Однако хотя пограничной линией между чувственно воспринимаемым и интеллигибельным миром в диссертации служит изначальное эпистемологическое разделение на чувственность и рассудок, которое казалось бы не оставляет ни малейшего шанса на возможность их соединения, тем не менее Кант после обсуждения устройства интеллигибельной сферы обращается вновь к вопросам чувственного познания. Это говорит прежде всего о том, что он рассматривал данные два мира как находящиеся друг с другом в тесной взаимосвязи и аргументативная конструкция «О форме и принципах...» представляет собой не иерархическое восхождение от одной ступени познания к другой и не две абсолютно не соприкасающиеся области, но своеобразное динамическое горизонтальное образование наподобие зеркального отображения.

Кантовское утверждение в начале одиннадцатого параграфа о том, что феномены не выражают абсолютного и внутреннего качества объектов, т.е. не отображают в точности их природу и суть, следовательно, лишь «образы вещей, а не идеи», является развитием темы, поднятой в десятом параграфе диссертации. Особенность человеческого способа созерцания заключается в невозможности для человека рассудочного созерцания и только в чтении, в процессе познания «символов» интеллигибельной области, и даже такое познание возможно для нас посредством самых общих, абстрактных понятий, но ни в коем случае не через единичные понятия в конкретной форме. Ноумен, или интеллигибельное, в принципе «не может быть воспринят при помощи представлений, почерпнутых из ощущений»¹⁰ и лишен вообще всех свойств человеческого созерцания. Наше созерцание изначально пассивно и не в силах служить принципом бытия вещей, но может быть лишь следствием их воздействия на нас, в отличие от независимости и самодостаточности Божественного интеллектуального созерцания. И вызвано подобное положение дел прежде всего спецификой принципа формы чувственно воспринимаемого мира — пространством и временем, позволяющего нам взаимодействовать с вещами посредством наших чувств и единственно при котором мы вообще способны ввести какую-либо вещь в нашу познавательную область.

Принцип формы чувственно воспринимаемого мира содержит в себе основание всеобщей связи для всего того, что представляет собой феномен, следовательно, он является принципом субъективным, т.е. определенным «законом духа», позволяющим с необходимостью рассматривать все, что относится к чувствам как их объект, как принадлежащее к одному и тому же целому. Для феноменального

мира принцип формы раздваивается, как то было указано выше, на пространство и время: Кант характеризует их как «абсолютно первые, всеобъемлющие и составляющие как бы схемы и условия всего чувственного в человеческом познании»¹¹, наделяя их тем самым свойствами всеобщности и необходимости. В отношении пространства и времени Кант выдвинул сразу несколько положений, что в доработанном и уточненном варианте составило содержание «Трансцендентальной эстетики» в «Критике чистого разума».

Пространство и время являются не понятиями рассудка, но только чистыми формами чувственности субъекта, единичными по своей природе и не возникающими из чувств, а предполагающимися ими. Во-первых, благодаря этим чистым созерцаниям нам становится доступно все богатство отношений, встречающихся в чувственно воспринимаемой области; это основные формы всякого внешнего и внутреннего ощущения. Во-вторых, сама возможность внешних и внутренних восприятий должна их предполагать, но ни в коей мере не создавать: совершенно невозможно почерпнуть пространство и время из чувств или при каком бы то ни было их содействии. Наоборот, только посредством этих двух идей вообще становится возможным для нас представить себе как последовательность и одновременность (в отношении времени), так и внеположенность и нахождение вне друг друга (в отношении пространства) объектов мира феноменов. В-третьих, пространство и время изначально подразумевают цельность, заключая все в себе, в отличие от общих и абстрактных понятий рассудка, заключающих все под собой как под общим признаком. Всякое пространство и всякое время мыслятся как части одного и того же неизмеримого пространства и времени.

Пространство и время не являются реальными в том смысле, что они не субстанции, не акциденции и не отношения, но «по природе человеческого ума необходимое для координации между собой всего чувственно воспринимаемого по определенному закону» (время) «приистекает из природы ума по постоянному закону, словно схема для координации вообще всего воспринимаемого извне» (пространство)¹². Описывая природу понятий пространства и времени, Кант использует отсылки к «акту духа», «внутреннему закону ума», «действию ума», «закону духа» и т.д.

Познание мира посредством чувств в любом случае оказывается истинным, если только мы осознаем, что пространство и время не есть нечто чужеродное и отдельно от нас существующее, но изначально присуще человеческой чувственности и особым способом характеризующее взаимодействие познавательного аппарата человека с тем, что становится доступным его чувствам как объект. Если принципами формы феноменального мира оказываются пространство и время как всеобщие и необходимые формы нашей чувственности и именно они

являются основанием той связи, что объединяет чувственно воспринимаемый мир в нечто единое, то мы имеем право, согласно логике кантовской мысли, говорить, что то, что мы познаем, истинно. Но истинно, о чем не следует забывать, в пространственно-временных рамках и условиях, ведь познание нами феноменального мира обуславливается не в последнюю очередь тем, что мы сами в большей степени создаем образ этого мира, конструируем его на базе — и здесь прослеживается еще один крайне важный для Канта момент — получаемых нами ощущений вследствие «присутствия предмета».

Особенность кантовского подхода хорошо иллюстрируется им при раскрытии пространственных свойств: понятие пространства «скорее касается законов чувственного познания субъекта, чем условий самих объектов, если и придать ему возможно большую реальность, то все же оно указывает лишь на созерцательно данную возможность всеобщей координации»¹³. Но именно поэтому по отношению к объектам чувственного познания оно является в наивысшей степени истинным и основанием всякой истины в сфере внешнего чувства. Поскольку природа воспринимается с помощью чувств, законы чувственности распространяются на законы природы, которые рассматриваются сквозь призму пространственных свойств и геометрической науки в целом. Кант называет свое положение гипотезой «не вымышленной, а созерцательно данной в качестве субъективного условия всех феноменов, в которых природа может когда-либо открываться чувствам»¹⁴.

Принцип времени феноменального мира также считается обоснованным, т.е. что он есть в высшей степени истинное понятие и условие любого созерцательного представления, распространяющееся на все возможные объекты чувств и содержащее в себе всеобщую форму феноменов.

Хотя время и пространство невозможно объяснить рассудочным образом, тем не менее именно чистые формы чувственного созерцания предоставляют рассудку основания на базе своего логического применения делать выводы из чувственных данных «с величайшей достоверностью». Однако и пространство, понятое как некоторое объективное и реальное сущее, и время, взятое абсолютно и само по себе — оба они есть «нечто воображаемое», «продукт воображения». Согласно новой кантовской позиции было бы очевидной ошибкой представлять себе пространство в качестве абсолютного и неизмеримого вместилища всех возможных вещей, так же, как и время — как непрерывное течение в существовании вообще, вне существования конкретной вещи, или как реальность, абстрагированную от последовательности внутренних состояний.

Метафизическое основание мира также вполне реально, только в совершенно ином смысле, нежели реальна чувственная действительность. Когда в диссертации идет речь о реальном применении рас-

судка, посредством которого описывается метафизическое познание, то имеется ввиду не намерение объективно определить результаты воздействия вещей на чувственность субъекта и не формы этой чувственности, но намерение познать истинное основание, на котором базируется отношение всех субстанций между собой, то есть выяснить, «каким образом многим существующим вещам свойственно некоторое первоначальное отношение, как бы первичное условие возможности взаимных влияний и принцип сущностной формы Вселенной»¹⁵. Следовательно, «реальный» в метафизическом смысле мир существует за счет подобного отношения субстанций, и именно субстанции и их отношения лежат в основе мира, который для нас является феноменально посредством пространственно-временных форм. Проблема метафизического познания и сущность вопроса о принципе формы интеллигибельного мира в диссертации заключается в том, чтобы выяснить, на чем покоится само это отношение субстанций и вообще как возможно, «чтобы многие субстанции находились во взаимной связи и таким образом относились к одному и тому же целому»¹⁶.

Кант предложил решение данного вопроса, отличающееся и от теории предустановленной гармонии и от версии окказионализма в пользу измененной теории физического влияния. Принятие тезиса о необходимости реального основания, которое сохраняет мир как единое целое, состоящее из субстанций и их отношений друг к другу, делает неадекватными в рамках кантовского сочинения положения как предустановленной гармонии, так и окказионализма, так как они предполагают идеальную и симпатическую гармонию между субстанциями, т.е. гармонию без истинного взаимодействия. Такая гармония бывает в случае, когда какие-либо индивидуальные состояния субстанции приспособляются к состоянию другой субстанции, ее также называют «единично установленной». Кант поддерживает точку зрения физического влияния, хотя и особо отмечает, что необходимо избавить эту теорию от некоторого изъяна, или ошибки, состоящей в необдуманном утверждении, что взаимодействие субстанций и переходящие силы достаточно объясняются одним их существованием. Взаимодействие субстанций, или взаимная зависимость состояний, совершенно не следует из их существования, поскольку для каждой субстанции вполне достаточно просто ее существования, вне зависимости от какой-либо другой субстанции. Если все же взаимодействие между субстанциями присутствует, то необходимо заключить, что существует некое особое основание, благодаря которому и становится возможным это взаимодействие. С одной стороны, нужна взаимосвязь субстанций, чтобы прийти к причине, с другой стороны, — причина, чтобы осуществилась взаимосвязь. Эта причина мира есть «вне его находящееся сущее», и источник бытия всех субстанций — в нем, так

как они происходят «не от разного, а все от одного», вследствие чего проистекает единство между ними. Причина происхождения всего является в то же время и причиной всеобщей связи: «Зодчий мира должен быть... творцом»¹⁷.

Таким образом, интерпретация Кантом понятия «мир» в диссертации 1770 г. заслуживает особого внимания, так как это попытка взглянуть на проблему идеализма с совершенно новой точки зрения, а саму диссертацию следует рассматривать как уникальное вводное пособие по основным кантовским вопросам собственно критического периода.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Kant I.* Kant's gesammelte Schriften / hrsg. v. der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Bd. II. Vorkritische Schriften 2 (1757 – 1777). – Berlin, 1912. S. 392. Z. 13 – 14.

² Ibid. Z. 15 – 16.

³ Ibid. Z. 27 – 29.

⁴ *Kant I.* Kant's gesammelte Schriften. Band XVII. – Berlin; Leipzig, 1927. S. 246.

⁵ *Kant I.* Kant's gesammelte Schriften. Bd. II. S. 397. Z. 6 – 8.

⁶ Ibid. Z. 11– 15.

⁷ Ibid. S. 393. Z. 18 – 19.

⁸ Ibid. S. 398. Z. 15 – 16.

⁹ Ibid. S. 396. Z. 1 – 2.

¹⁰ Ibid. Z. 28 – 30.

¹¹ Ibid. S. 398. Z. 27 – 29.

¹² Ibid. S. 400. Z. 22 – 23; S. 403. Z. 24 – 26.

¹³ Ibid. S. 407. Z. 1 – 5.

¹⁴ Ibid. S. 404. Z. 33 – 35.

¹⁵ Ibid. S. 406. Z. 28 – 30.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Ibid. S. 409. Z. 25 – 26.

Аннотация

Статья посвящена проблеме интерпретации И. Кантом понятия «мир» в inauguralной диссертации 1770 г. В представлении Канта того времени «мир» есть сложная двухуровневая система, охватывающая как область, доступную чувственному познанию, так и сферу ноуменальную, постигаемую через идеи рассудка.

Ключевые слова: мир, чувственно воспринимаемое, интеллигибельное, феномен, ноумен, пространство, время.

Summary

The article deals with the interpretation of Kant's concept of «world» in his inaugural dissertation in 1770. In Kant's view, «the world» is a complex two-tier system, which includes both the domain, available sensory cognition, and the scope of the noumenal, perceived through the ideas of reason.

Keywords: world, sensuously perceived, intelligible, phenomenon, noumenon, space, time.